

и одновременно. От мистического освоения вещества к физическому его постижению через физико-мистическое ощущение этого же вещества. К химически осмысленной реальности. Ибо из практики возникает лишь практика. Алхимическим умозрениям тоже пришлось бы ими же и остаться, так и не приобщившись к делам земным²⁶. Для наглядности все здесь изложенное сведу в достаточно условную в пределах христианского культурного предания схему, куда более бедную, нежели тысячелетняя жизнь того, что схематизируется: совместная судьба алхимии, ремесленной химии и природоведческих теорий, отбившихся от предмета, зато объясняющих образцово устроенный мир.

Так что же все-таки история алхимии? Она есть история взаимных мимикрий-отторжений канонического средневековья и его алхимической окраины; технохимического ремесла и алхимии; теологического теоретизирования по поводу природы и алхимии. Итог: химическая технология *Глаубера*, химия *Бойля*, околонуточный оккультизм XVIII века, наукоучение *Френсиса Бэкона*.

Так вел себя «химически» преобразуемый предмет алхимии. Так вела себя «химическая» алхимия, имевшая дело с этим предметом.

Именно такой предстает система химических знаний, которые застаёт *Роберт Бойль*, первый скептический химик. К счастью, скепсис великого англичанина оказался не столь решительного свойства. *Бойль* увидел в химии средних веков — а значит, и в алхимии — именно ту химию, из которой, по словам Энгельса, оказалось возможным «сделать науку».

Естественно, человек, затеявший эту игру, не мог выйти из игры прежним, коли и сам предмет этой игры оказался подверженным столь решительным изменениям. Изменение неизменного. Развитие без развития. Развитие предмета — развитие человека. Но это — следующая, последняя в нашем сочинении история — итоговая, завершающая.

Начнем же эту историю про дела-деяния средневекового человека, исхитрившегося осуществить трансмутацию «неизменной» алхимии и не заметившего при этом собственной трансмутации, кардинального преобразования самого себя: себя-*послушника* в себя-*еретика*; точнее, правоверного еретика в инокультурного пришельца.

²⁶ Химические знания в средние века становятся научной химией в результате собственного развития. Однако такой оборот дела как будто исключает из рассмотрения влияние нехимического естествознания XVII века: механика *Галилея*, математизация естественных наук в свете идей *Декарта*, мир как причина самого себя у *Спинозы*, небесная механика *Ньютона*, несколько раньше — *коперниканский* переворот в космологии. Вместе с тем ни *Бойль*, ни *Шталь*, ни *Лавуазье* немислимы вне контекста теоретической революции XVII века. Понимая это, мне казалось естественным постараться понять XVII век как принципиально новый тип мышления в самой истории позднесредневековой алхимии, вместе с химическим ремеслом и натуральной философией ставшей историческим кануном научной химии *Бойля*. Но рассмотрение теоретической революции XVII века не входит в мою задачу.